

А. И. Деникин

Путь Русского офицера

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. И. Деникин**
Путь Русского офицера / А. И. Деникин – М.: Книга по Требованию, 2021. –
380 с.

ISBN 978-5-517-97530-0

ISBN 978-5-517-97530-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Но основное значение воспоминаний все же в том, что они являются как бы прологом к истории гражданской войны.

В одной из знаменитых своих речей, П. А. Столыпин бросил фразу: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Гражданская война, в которой сыграл свою историческую роль А. И. Деникин, началась после того, как произошли «великие потрясения», а великая Россия пала. В понимании генерала Деникина, гражданская война должна была восстановить великую Россию, которую он мыслил не иначе, как «единой и неделимой», и кончить великую смуту, подобно тому, как ополчение Минина и Пожарского восстановило порядок после смутного времени.

Гражданскую войну и ее исход нельзя понять, не вдумавшись в состояние русского общества накануне первой мировой войны и революции. Основной чертой этого общества был раскол на три части. Это были: традиционная власть и консервативные элементы, ее поддерживавшие; общественность, в свою очередь расколота между либеральными и многообразными социалистическими течениями, и народ, который уже утратил беззаветную преданность трону, но лишь в малой мере воспринял идеологии и программы общественности. Несмотря на неудачу столыпинской попытки вывести Россию на новые пути посредством коалиции власти с умеренной общественностью и широких реформ, имевших целью создать твердую базу для обновленной власти, за восемь лет между конституционной реформой и началом первой мировой войны в России явно протекали процессы роста и оздоровления. Быстро развивалась промышленность; поднималось сельское хозяйство, сдвинутое с мертвой точки аграрной реформой и грандиозным размахом переселения; гигант-

скими шагами пошло вперед народное образование; стало выдвигаться новое поколение интеллигенции, менее старого зараженное верой в единоспасительность революции.

Война, не Россией вызванная, перевернула положение. Она поставила на очередь проблему власти, ибо на традиционной бюрократической основе Россия явно не могла победить или даже выжить до победы. На этот раз общественность, за исключением крайних элементов, была готова на союз с властью, на основе разумных и неотложных реформ. Предложение было отвергнуто, небольшая консервативная прослойка пошатнулась, и с внутренней неизбежностью пришла революция.

Февральская революция как будто бы проявила единение общественности с народом. Скоро обнаружилось, что это было иллюзией. Среди общественности выделилась группа, которая поставила себе задачей захват власти для осуществления крайней социалистической программы, без демократии. Эта попытка кончилась бы неудачей, как заговор Бабефа во время французской революции, если бы народ был в самом деле с общественностью. Но народ с ней не был, как не был он и со старой властью. Он жил еще в дополитическом состоянии и готов был принять власть, обещавшую ему немедленно исполнить его мечту о земле.

Отколовшаяся от общественности группа большевиков взяла власть. Эту власть она решила удерживать во что бы то ни стало и использовать ее для того, чтобы перестроить Россию по своему плану, не имевшему никаких корней в русской истории.

На почве сопротивления такому решению русского вопроса разыгралась гражданская война. Разыгралась она в довольно редкой форме «треугольного

боя». Три, а не две силы противостояли друг другу: белое движение, в котором сошлись, но далеко не слились, консервативные элементы старого общества и умеренная общественность; радикальная и социалистическая общественность, выкинувшая лозунг «ни Ленин, ни Колчак», т. е., не белое движение, и новая коммунистическая власть. Народ, как и раньше, не поднялся ни за кого. В этих условиях новая власть имела огромные преимущества: она владела центральным аппаратом и располагала внутренними линиями, тогда как белое движение было географически раздроблено между несколькими окраинами и было лишено внутреннего единства, а «третья сила» могла выступать лишь с разрозненными и разновременными диверсиями.

Цель белого движения была в сущности та же, как у Столыпина в 1906-11 гг. и у прогрессивного блока в 1915-17 гг. Но осуществление ее было невероятно более трудным, нежели тогда. Тогда общественная ткань еще не была разорвана, и надо было предупредить ее разрыв. Во время гражданской войны нужно было восстановить разорванную ткань, но конечно не по старому, а по какому-то новому образцу. По какому? На этот вопрос у белого движения ответа не было, потому что оно было идеологически раздроблено и к разрешению задачи не подготовлено. В сущности, никто не был готов и вне белого движения — революционные взрывы приводят к стихийным распадам, а новые формы кристаллизации даются нелегко.

Следовало ли в таких условиях вести гражданскую войну? На этот вопрос можно ответить так. Военная победа над большевиками дала бы возможность испробовать что-то иное, пусть несовершенное, но несомненно лучшее, нежели большевизм, пусть непрочное, но все же открывающее путь для какой-

то эволюции в сторону более нормального и исторически обоснованного разрешения русских проблем.

Но были ли шансы гражданскую войну выиграть? Конечно были. Представим себе несколько иную расстановку фигур на шахматной доске истории — большее единство среди антикоммунистических сил, появление среди них лиц, способных зажечь сердца людей новой идеей, большее понимание положения со стороны союзников России по первой мировой войне, — и результат был бы иной. Итак, был шанс победы, и этот шанс нельзя было, не следовало оставить неиспытанным. Иными словами: нельзя было без боя сдать Россию большевикам.

Как уже сказано, воспоминания генерала Деникина не доходят до гражданской войны. Но основной их интерес в том, что они раскрывают, в исторической перспективе, личность одного из главных ее деятелей. А на общем фоне общественных отношений и движений история все же творится личностями.

На тему о том, как сложилась личность генерала Деникина, воспоминания дают богатый материал. Они начинаются как бы семейной хроникой, которая идет в разрез с одним из трафаретов, сложившихся в пылу борьбы между властью и обществом: отец генерала родился крепостным, отбыл тяжкую ямку 25-летней военной службы, но вышел в офицеры, а сын его смог сделать блестящую военную карьеру. Как мало это похоже на представление о старой России, как обществе, застывшем в кастовых напластованиях!

Как это часто бывает, повесть о детстве и юности удалась генералу Деникину лучше всего. В дальнейшем, с погружением личности автора в дело, которому он, по призванию и свободному выбору, посвятил свою жизнь, она отступает на задний план. Но в личной жизни зачастую ярко отражаются существенные черты общественного строя. В этом отно-

шени особенно интересна история его выпуска из академии генерального штаба, свидетельствующая о бездушии и произволе, на фоне которых приходилось развиваться и вступать в активную жизнь будущим вождям русской армии. Сразу становится понятной бездарность русского военного руководства в японскую войну, к счастью преодоленная ко времени первой мировой войны.

Но воспоминанья несут и свидетельство о том, как неясны и неотчетливы были суждения по общественным вопросам в военной среде, на которую генералу Деникину волею судеб приходилось опираться во время своего возглавления белого движения. Выясняют они, почему так было: императорское правительство держало свое офицерство в полном неведении тех вопросов, которые волновали общество. Это было проявлением более общей политики — стремления предотвратить революцию через остановку циркуляции и обсуждения идей. Эта политика дала губительные результаты и в момент революционного взрыва, и впоследствии, в час гражданской войны, когда еще можно было спасти Россию и ее культуру от коммунистического произвола и мракобесия.

Генерал Деникин не искал водительства. Оно было возложено на него волею судеб. Как-то он сказал Н. И. Астрову: «Я знаю, что я делаю самую неблагодарную работу, и что меня будут поносить и может быть проклинять. Но кто-то должен эту работу сделать». В «работу» он внес две ценные черты: невозмутимое спокойствие и изумительную работоспособность, — он по неделям спал не более двух-трех часов в день, разделяя свои силы между фронтом и тылом. Как он и предвидел, многие его поносят. Но личной вины за неудачу на нем нет — он сделал, что мог.

Само собой разумеется, воспоминания генерала

Деникина приподымают лишь маленький уголок завесы, скрывающей от глаз человеческих бесконечно сложную сеть причинных рядов, из коих слагается история. Но, как все хорошо написанные воспоминания, эта книга дает, в преломлении через личность автора, яркое отражение процесса, приведшего Россию к провалу в бездну. В дополнение к этому, книга может содействовать сохранению в памяти многих славных страниц русского прошлого. Неисповедимою волей судеб, ожили многие из этих славных страниц и в памяти русских людей в России, под большевистским ярмом оставшихся. А пока живет о них память, сохраняется надежда на то, что Россия, конечно не старая, со многими ее пороками и слабостями, а новая, но и не нынешняя коммунистическая, заживет нормальной жизнью среди других народов, также верных памяти о своем прошлом.

Н. С. Тимашев

«ПОДРУГЕ ДНЕЙ МОИХ СУРОВЫХ» —
ЖЕНЕ, ПОМОЩНИЦЕ В ТРУДАХ,
СОГРЕТЫЙ ЕЕ ЗАБОТАМИ,
СВЯЗАННЫЙ ЕДИНОМЫСЛИЕМ,
ОСТАВЛЯЮ РАССКАЗ
О НАЧАЛЕ МОЕГО БЫТИЯ.

А. ДЕНИКИН

Мимизан (Франция)

16 января 1944 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Р О Д И Т Е Л И

Родился я 4 декабря 1872 года в городе Влоцлавске, Варшавской губ., вернее в пригороде его за Вислой — в деревне Шпеталь Дольный. Занесла нас туда судьба потому, что отец мой служил в Александровской бригаде пограничной стражи, штаб которой находился во Влоцлавске; в этих местах родители мои остались жить после отставки отца.

Как известно, часть Польши, со столицей Варшавой, входила тогда в состав Российской империи.

Отец, Иван Ефимович Деникин родился за 5 лет до Наполеоновского нашествия на Россию (1807 г.) в крепостной крестьянской семье, в Саратовской губернии, если память мне не изменяет, в деревне Ореховке. Умер он — когда мне было 13 лет, и прошло с тех пор до времени, когда пишутся эти строки, 60 лет... Поэтому о прошлой жизни отца — по его рассказам — у меня сохранились лишь смутные, отрывочные воспоминания.

В молодости отец крестьянствовал. А 27-ми лет от роду был сдан помещиком в рекруты. В условиях тогдашних сообщений и солдатской жизни (солдаты служили тогда 25 лет и редко кто возвращался домой), меня полки и стоянки, побывав походом и в Венгрии, и в Крыму, и в Польше, отец оторвался совершенно от родного села и семьи. Да и семья-то ра-

но распалась: родители отца умерли еще до поступления его на военную службу, а брат и сестра разбрелись по свету. Где они и живы ли — он не знал. Только однажды, был еще тогда отец солдатом, во время продвижения полка по России, судьба занесла его в тот город, где, как оказалось, жил его брат, как говорил отец — «вышедший в люди раньше меня»... Смутно помню рассказ, как отец, обрадовавшись, пошел на квартиру к брату, у которого в тот день был званый обед. И как жена брата вынесла ему прибор на кухню, «не пустив в покои»... Отец встал и ушел, не простившись. С той поры никогда с братом не встречались.

Солдатскую службу начал отец в царствование императора Николая I-го. «Николаевское время» — эпоха беспросветной тяжелой солдатской жизни, суровой дисциплины, жестоких наказаний. 22 года такой службы были жизненным стажем совершенно исключительным. Особенно жуткое впечатление производил на меня рассказ отца о практиковавшемся тогда наказании — «прогнать сквозь строй». Когда солдат, вооруженных ружейными шомполами, выстраивали в две шеренги, лицом друг к другу, и между шеренгами «прогоняли» провинившегося, которому все наносили шомпольные удары... Бывало забивали до смерти!..

Рассказывал отец про эти времена с эпическим спокойствием, без злобы и осуждения, и с обычным рефреном:

— Строго было в наше время, не то что нынче!

На военную службу отец поступил только со знанием грамоты. На службе кой-чему подучился. И после 22-хлетней лямки, в звании уже фельдфебеля, допущен был к «офицерскому экзамену», по тогдашнему времени весьма несложному: чтение и письмо, че-